

УДК 811.161.1'37(075.8)

**АМФИБОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ФАКТОРЫ,
ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕГО РЕАЛИЗАЦИЮ (на материале газеты «Аргументы и факты»)***Л. Г. Ким, А. С. Кузнецова*

Задача данной статьи заключается в выявлении системноязыковых и коммуникативно-прагматических факторов, определяющих реализацию амфиболического потенциала высказывания.

Феномен амфиболии (неоднозначности) языковой единицы основывается на асимметрии языкового знака. Свойство асимметрии и, в частности, соотношение «одно означаемое – несколько означающих», наблюдаемое в языке и проявляющееся в речевой действительности (как в художественной, поэтической речи, так и в официально-деловой и обыденной коммуникации), вызывает интерес ученых различных лингвистических школ и направлений.

В рамках системно-структурной парадигмы языка неоднократно предпринимались попытки осмыслить природу этого явления, описать и систематизировать полисемантические языковые единицы, исследовать причины их появления и особенности взаимодействия в языке, вскрыть механизм реализации и, напротив, нейтрализации нескольких смыслов, дать объективную оценку этому явлению как художественному (риторическому) средству, с одной стороны, и негативно оцениваемому с позиций ортологической традиции, с другой. При этом изучение феномена многозначности ограничивалось преимущественно рамками лексических единиц. Обращение к функциональной стороне языка, рассмотрение его в свете коммуникативно-деятельностной концепции позволяет по-новому осмыслить сущность и функционирование неоднозначных языковых единиц, причем не только и не столько лексических, сколько синтаксических, т. е. высказывания и текста в целом.

Как подчеркивается, «многозначность является сущностным свойством языка, обеспечивающим выполнение его основных функций – когнитивной, коммуникативной, поэтической» [Зализняк, 1981, с. 21]. Согласно разрабатываемой нами концепции, феномен неоднозначности обнаруживается как в пределах отдельной лексической единицы, так и в пределах высказывания и – шире – текста в целом. Всеобщность и универсальность этого явления предопределяется как объективными, языковыми условиями, так и субъективными, коммуникативно-речевыми. Объективная природа многозначности обусловлена свойством асимметрии языкового знака, а также конечностью языковой формы и бесконечностью смыслов, облакаемых в языковую форму [Голев, 2004]. Субъективная природа многозначности обеспечивается потенциальным несовпадением интенционального смысла высказывания, обусловленного замыслом говорящего, и смысла, реализованного в условиях конкретного коммуникативного акта, т. е. детерминированного закономерностями рецептивной деятельности адресата, креативной и

интенциональной природой процессов понимания и интерпретации.

Для обозначения феномена неоднозначности и неоднозначной языковой единицы лингвистическая наука выработала целый ряд терминов: многозначность, полисемия, омонимия, неоднозначность, двусмысленность, амфиболия. Этот терминологический ряд подчеркивает онтологическую дифференциацию феномена неоднозначности, с одной стороны, и возможность рассмотрения этого явления в рамках различных концепций, с другой. В данной статье мы используем термин амфиболия, поскольку, во-первых, он не осложнен дополнительными смыслами, отмечаемыми в других терминах этого ряда, и, во-вторых, актуализирует функциональный аспект рассмотрения этого явления.

В лингвистических и риторических исследованиях термин амфиболия (греч. *amphibolia* – двойственность, двусмысленность) употребляется в двух значениях: как риторический прием двусмысленности и как неоднозначность фразы, возможность двоякого понимания речи [Культура русской речи, 2003]. Основанием для дифференциации этих понятий является интенциональный и перлокутивный факторы, т. е. преднамеренность/ непреднамеренность амфиболии высказывания и достижение/недостижение цели коммуникативного акта.

Для обозначения соответствующего явления этот термин широко употреблялся в древних риториках и трудах немецких философов; в лингвистике он получил широкие права в работах Н. П. Колесникова [1981] и Н. Д. Голева [2002, 2004]. При этом Н. Д. Голев, рассматривая омонимию разных типов языковых единиц в функциональном аспекте, убедительно доказал, что это явление имеет широкий спектр функционирования [Голев, 2002].

В своем исследовании мы исходим из интеракционной модели коммуникации, согласно которой общение понимается не как одностороннее воздействие говорящего на слушающего, а как коммуникативное взаимодействие двух субъектов: общение – «это не сложение <...> параллельно развивающихся (симметричных) деятельностей, а именно взаимодействие субъектов» [Ломов, 1984, с. 252 (цит. по: [Дементьев, 2006, с. 58])]. Такая модель отвечает запросам современной коммуникативной лингвистики и позволяет адекватно описать динамику отношений автора, адресата и текста.

В основе разрабатываемой нами концепции лежит интеракционная модель коммуникации в ее «адресатоцентричном» варианте, в соответствии с которой описывается процесс функционирования текста в «пространстве адресата» (подробнее см. об этом: [Голев, Ким, 2008]). Мы постулируем положение, согласно которому каждое речевое произведение

(высказывание) обладает потенциалом амфиболического функционирования, реализация которого определяется: а) объективными свойствами текста и составляющих его единиц (системноцентричный фактор) и б) коммуникативно-прагматическими условиями функционирования текста (коммуникативно-прагматический фактор).

Наше исследование выполнено на материалах рубрики «Жизнеспособность политических субъектов» в газете «Аргументы и факты» (2006-2008 гг.). Специфика этого языкового материала заключается в том, что он отражает модель диалогического единства, инициальная реплика которого представляет собой фрагмент речи одного из известных политических деятелей, а вторая реплика – это игровая реакция журналиста, характеризующаяся намеренной актуализацией «другого» смысла, таким «прочтением», часто ироничным, инициальной фразы, которое не предполагал автор. Такое взаимодействие участников коммуникативного акта обусловлено «несовпадением» адресатов: конкретизированного, первичного, которому говорящий направляет свое высказывание в условиях реального коммуникативного акта, и неконкретизированного, вторичного, в условиях моделируемого коммуникативного акта (о разных типах адресатов писал М. М. Бахтин [1979]). В данном случае вторичным адресатом является ведущий рубрику журналист(ы), подписывающийся псевдонимом С. Репов, А. Фуфьрин, который отражает коммуникативную позицию массового адресата, т. е. читателя газеты, и характер его восприятия. Адресат-журналист-читатель воплощают остраненное, «другое», нежели предполагает говорящий, восприятие содержания текста, обусловленное, во-первых, значением составляющих текст языковых единиц и, во-вторых, их прагматическим восприятием. Такой языковой материал иллюстрирует положение о том, что, с одной стороны, генетически связанное с автором и воплощающее его интенциональный замысел высказывание в процессе его речевого функционирования, перемещаясь в пространство адресата, утрачивает функциональные связи с автором и, следовательно, «освобождается» от того смысла, который «вложил» автор, а потому может быть «прочитано» так, как это «допускает» совокупность составляющих его языковых единиц. Иными словами, такие диалоги доказывают определенную справедливость постулатов Р. Барта о том, что смысл фокусируется не в письме, а в чтении и «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [Барт, 1994, с. 391]. С другой стороны, этот языковой материал доказывает, что рецептивно-интерпретационная деятельность адресата имеет целью не только понять, «что хотел сказать автор», но и предполагает иные цели, например: «что сказал автор», «что может быть прочитано адресатом», или «я намеренно сделаю вид, что не понял автора, иотреагирую на другой смысл».

Таким образом, этот материал, представляющий собой не естественный диалог, разворачивающийся в реальной коммуникативной ситуации, а игровой, смоделированный журналистом, обладает богатыми научно-эвристическими возможностями и позволяет

выявить языковые и коммуникативно-прагматические факторы, определяющие реализацию амфиболического потенциала высказывания. Назовем некоторые из них.

Языковые факторы. Системноязыковой фактор обуславливается прежде всего природой языкового знака, которая лингвистической наукой характеризуется как асимметричный дуализм и отражает существующее противоречие между бесконечностью смысла и конечностью языковых средств его выражения. Как подчеркивает С. О. Карцевский, «знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является потенциально «омонимом» и «синонимом» одновременно» [Карцевский, 1965, с. 85]. Т. е. знак как двусторонняя сущность не имеет строгого и неизменного одно-однозначного соотношения формы и содержания. Кроме того, языковая единица является элементом языковой системы (подсистемы), и потому ее значение определяется отношениями между элементами системы. Т. е., асимметрия языкового знака основывается также на оппозиции значимости и значения, введенная в лингвистику Ф. де Соссюром и отмеченная С. О. Карцевским. Значимость – содержание, вытекающее из системной целостности, каждый элемент которой содержательно зависит от этой целостности. Явление омофонии (в широком понимании) С. О. Карцевский объясняет потенциальной возможностью одного звукового знака иметь две значимости и принадлежать двум различным рядам. Продолжая эти рассуждения, можно добавить также, что полевый принцип естественной организации семантики отдельного слова, диффузность семантических границ, бесконечная смысловая валентность языкового знака, стремящегося к обозначению широкого спектра смыслов, являющиеся, по А. Ф. Лосеву [1982], аксиомами стихийного существования языка, подвижность языковой системы определяют подвижность, диффузность содержания языкового знака.

Двусторонняя сущность языкового знака, характеризующегося свойством асимметрии означаемого и означающего, определяет его «интерпретируемость» как одно из важнейших свойств системноязыковых единиц, реализуемое в процессе функционирования языкового знака в речевом употреблении и обусловленное потенциальной возможностью наличия выбора. Т. е. в текстовом функционировании могут актуализироваться как несколько значений языковой единицы одновременно, так и такие значения языкового знака, которые различаются при порождении и восприятии текста.

Актуализация значений многозначного слова

А. Кудрин, министр финансов: «По-моему, этот институт (агрессивный блок НАТО. – Ред.) уже должен уйти в историю». – Журналист: «Тогда почему в нем хотят обучаться все новые и новые «студенты» – Грузия, Украина?» (АиФ, 2008, № 25).

Лексема «институт» в инициальной реплике употреблена в значении ‘та или иная форма общественного устройства’, однако наличие у этого слова в языковой системе другого значения позволяет воспринимать его в значении ‘название некоторых высших учебных заведений’ и по-иному интерпретировать смысл инициальной фразы.

Актуализация омонимов

И. Зотов, лидер Российской партии пенсионеров: «Нам необходимо выигрывать эти партии (региональные выборы. – Ред.). Я имею в виду поставить мат другим партиям. И их фигуры переходят к нам». – Журналист: «Избирателям хочется поставить мат не только в конце, но и в середине, и даже в самом начале этой партии» (АиФ, 2006, № 38).

Автор инициальной реплики, говоря о политических событиях (выборах), уподобляет их игре в шахматы и употребляет слово «мат» в значении ‘поражение в шахматной игре’. Адресат, актуализируя омоним «мат» в значении ‘неприлично-гнусная брань’, выявляет другой смысл исходной реплики.

Актуализация слова в составе синтагматически связанного оборота

А. Иванов, председатель Высшего арбитражного суда: «Наша судебная система сама в состоянии справиться с паршивыми овцами». – Журналист: «А на борьбу с кем-нибудь, кроме овец, судебная система страны рассчитана?» (АиФ, 2008, № 3).

Лексическая единица может функционировать в составе синтагматически связанной конструкции (фразеологизм, пословица, поговорка) и, утрачивая собственное лексическое значение, приобретать новое, синтагматически обусловленное. Так, словосочетание «паршивая овца» отсылает к пословице «Одна паршивая овца все стадо портит», которая имеет значение ‘дурной человек своим поведением, поступками и т. п. вредно действует на коллектив или создает о коллективе неблагоприятное впечатление’ [Жуков, 1993, с. 246]. Вместе с тем лексема «овца» в языке имеет метафорическое значение – ‘беззащитный, неспособный постоять за себя человек’. Использование в речи таких лексических единиц позволяет рассматривать их и как свободные лексемы, и как синтагматически связанные. Такое «двойственное» их функционирование определяет потенциал амфиболического функционирования высказывания.

Актуализация функционально-стилистической характеристики слова

Б. Березовский: «В 95-м году мне перестал быть интересен бизнес, и я стал заниматься политикой. Может быть, через год мне это перестанет быть интересным и мне понравится, например, коллекционировать бабочек». – Журналист: «Странно, бабочек Борис Абрамович еще собирать не начал, а Генпрокуратура уже бежит за ним с сачком. Может, бабочками Борис Абрамович Березовский называет бабки?» (АиФ, 2006, № 4).

Омонимичные лексические единицы могут функционировать в разных стилистических подсистемах языка, например в системе литературного и жаргонного языков. Такая межстилевая, межсис-

темная омонимия определяет амфиболический потенциал высказывания.

Актуализация мотивационных и квазимотивационных связей

Ю. Шувалов, член президиума Генсовета «Единой России»: «Безусловно, идеология у партии есть, и это консервативная идеология». – Журналист: «Хотелось бы поточнее. А то многие думают, что консерваторы – это те, кто пускает своих политических конкурентов на консервы» (АиФ, 2008, № 14).

Слово в языковой системе связано мотивационными (эпидигматическими) связями с другими лексическими единицами. Эти связи могут носить закономерный, системный характер, т.е. отражать реальную деривационную «историю» слова (этимологические связи или словообразовательные), а могут возникать в процессе функционирования слова в речи, отражая факт случайного частичного звукового совпадения (паронимия в широком понимании) или этимологически связанные, но утратившие в современном языке функционально-смысловую близость. Такие связи, как формально-звуковые, так и формально-смысловые, могут актуализироваться в процессе функционирования слова в тексте и способствовать реализации амфиболического потенциала высказывания.

Актуализация словообразовательной структуры сложного слова, омонимичного сочетанию слов

А. Илларионов: «Нетрудно предсказать, что в течение, может быть, не пяти-десяти, а восьми-десяти лет страна может полностью решить проблему внешнего долга». – Журналист: «Слова «восьми» и «десяти» надобно писать через тире или все-таки слитно?» (АиФ, 2007, № 12).

Сложные числительные пятьдесят – восемьдесят совпадают в звучании (являются омофонами) с синтаксической конструкцией, обозначающей количественные пределы. Формальное различие между ними проявляется только на уровне графики (слитное написание сложного числительного и использование тире при написании синтаксической конструкции). Омонимия этих форм часто определяет амфиболию высказывания в целом.

Актуализация разных оттенков значений форм повелительного наклонения

Ю. Лужков, мэр Москвы: «Мы призываем москвичей: ездите на маленьких авто. Пусть «Мерседес» будет Вашей второй машиной». – Журналист: «Простые москвичи с Вами совершенно согласны – пусть будет! Когда можно в мэрию за «Мерседесом» подойти? И сколько будут давать в одни руки?» (АиФ, 2006, № 6).

Формы повелительного наклонения глагола в сочетании с частицей – пусть имеют в русском языке несколько значений: желание, долженствование, допущение. Инициальную фразу можно понять и как выражение пожелания (“желательно, чтобы жители ездили на маленьких авто, а «Мерседес» использовали бы редко, как вторую машину, не основную”), и как выражения долженствования (“жи-

тели Москвы должны иметь две машины, причем вторая машина должна быть «Мерседес»»). Ответная реплика журналиста актуализирует значение долженствования глагольной формы.

Актуализация содержания анафорического элемента текста

В. Жириновский, лидер ЛДПР: «Надо сделать его (материнский капитал. – Ред.) мужским. Женщина не будет специально рожать второго или третьего ребенка. А мужчина быстрее это сделает». – Журналист: «За удовольствие посмотреть на первого беременного мужчину всего материнского капитала не жалко. Кстати, сам Владимир Вольфович рожать не возьмется?» (АиФ, 2008, № 10).

Специфика подобных конструкций заключается в том, что они содержат в своей структуре анафорический элемент (местоимение), отсылающий к предшествующей части высказывания и семантически замещающий эту часть. В данном примере местоимение это формально замещает выражение «рожать второго или третьего ребенка», что и позволяет адресату (журналисту) в своей ответной реплике актуализировать смысл 'мужчина может родить ребенка'.

Коммуникативно-прагматические факторы определяют отношением говорящего и слушающего (адресанта и адресата) к языковому знаку, «присвоению» ими языкового знака. Объективированный в языковом выражении замысел говорящего не может быть адекватным этому выражению, которое при этом слушающим не «прочитывается», не «расшифровывается», а создается, творится. Языковое выражение, следовательно, имеет вариативно-интерпретационный статус. Кроме того, при функционировании текста «в пространстве адресата» важным является характер и условия речевого взаимодействия, а также тип коммуникантов, степень совпадения их апперцепционной базы, информационного и семантического запаса, характер интенциональной деятельности адресата (настроенность на серьезное, игровое, ироничное реагирование и т. д.).

Актуализация разных слов высказывания

С. Шаталов, замминистра финансов: «Водка не должна быть дешевой, тем более «народной». – Журналист: «А что делать: на народный коньяк денег хватает далеко не всему народу. Жаль, что такой ответственный господин об этом ничего не слышал». (АиФ, 2008, № 9).

Тема «рематическая организация высказывания» предполагает актуализацию одного из слов высказывания как носителя актуально значимой информации – рематического компонента. При этом обычно при нейтральном порядке слов рема располагается в конечной части высказывания. Т. е., с позиции говорящего, ремой являются компоненты «дешевый», «народный». Свободный порядок слов, который характерен для русского высказывания, допускает и препозицию ремы относительно темы, поэтому адресат может актуализировать иной, чем предполагает автор фразы, компонент; в нашем примере ремой для адресата является слово «водка». Следовательно, реализация множественного смы-

слового потенциала исходной фразы обусловлена вариативностью ее актуального членения.

Актуализация имплицитной информации

Помимо эксплицитной информации, практически любое высказывание содержит имплицитную информацию, т. е. информацию, непосредственно не вербализованную, предполагающую косвенные способы ее кодирования / декодирования (подробнее об этом см.: [Имплицитность в языке и речи, 1999; Падучева, 2004]). Важной особенностью имплицитной информации, как пишет И. В. Арнольд [1982], является то, что она имеет вариативную интерпретацию. В лингвистической семантике различается несколько видов имплицитной информации в высказывании, из которых для нас наиболее важны презумпция и импликация (следствие).

А. Актуализация презумпции исходного высказывания

Под презумпцией понимают подразумеваемый семантический компонент предложения, не выраженный в нем с достаточной эксплицитностью. «Семантический компонент Р суждения S является презумпцией S, если ложность Р в некоторой ситуации делает утверждение S в этой ситуации неуместным, аномальным, бессмысленным» [Падучева, 2004, с. 53].

А. Фурсенко: «В России лишь 20 – 30 % студентов получают хорошее юробразование. Примерно половина выпускников юридических институтов не работают по специальности». – Журналист: «Да, проблема трудоустройства лиц с юридическим образованием в стране стоит столь остро, что уже не одному юристу пришлось даже стать Президентом РФ...» (АиФ, 2008, № 14).

Презумпцию исходного высказывания можно сформулировать следующим образом: 'многие выпускники юридических институтов не могут устроиться по специальности'. Именно эта презумпция явилась стимулом для ответной ироничной реплики, смысл которой сводится к следующему: 'выпускники юридических институтов вынуждены работать не по специальности, в том числе президентами'.

Б. Актуализация импликации (следствия)

Импликация, или следование, представляют собой такой семантический компонент, который «подчиняется закону контрапозиции, т. е. если Р есть следствие S, то из отрицания Р следует, что отрицается S» [Падучева, 2004, с. 60]. При этом одно исходное высказывание может иметь несколько следствий, в том числе такие, которые не соответствуют коммуникативному замыслу говорящего или, напротив, предполагаются говорящим как фактор манипулятивной коммуникации. Рассмотрим пример.

Ю. Лужков: «Мы (единая Россия. – Ред.) объединили все здоровые силы России». – Журналист: «Крепко сказано. Стало быть, кто не с вами, те больные» (АиФ, 2008, № 10).

Ответная реплика журналиста есть актуализация одного из возможных следствий инициального высказывания, актуализирующее семантический

компонент 'нездоровые (=больные) силы России не вошли в состав «Единой России»'.

Актуализация модального компонента высказывания

Высказывание имеет не только объективное содержание, но и субъективное, т. е. диктум и модус. Диктум отражает «положение дел», а модус – отношение говорящего к содержанию высказывания. Интерпретация адресатом модального компонента высказывания может не соответствовать модусу говорящего.

П. Медведев, депутат Госдумы: «Взятки предлагать не умею. А то, может быть, давал бы». – Журналист: «Это в России показатель неполного служебного соответствия. Хуже – только когда взял бы, да никто не дает» (АиФ, 2008, № 10).

Модус инициальной реплики можно представить и как 'я честный человек и не даю взятку', т. е. говорящий оценивает свои действия в положительном ракурсе, и как 'я не совершаю необходимых действий, предписанных в соответствии со сложившейся в обществе традицией', т. е. говорящий оценивает свои действия в негативном ракурсе. Наличие этих модальных компонентов обуславливается лексико-прагматическими характеристиками компонентов высказывания: лексемой взятка 'деньги или вещи, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата преступных, караемых законом действий' и сочетанием глагола уметь 'обладать умением делать что-л.' с отрицательной частицей -не. Такая противоречивость модальной характеристики исходного высказывания определяет возможность альтернативного ответного реагирования.

Таким образом, каждое высказывание обладает потенциалом амфиболического функционирования, реализация которого предопределяется совокупностью системноязыковых и коммуникативно-прагматических факторов.

Литература

1. Арнольд, И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83 – 91.

2. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384 – 391.

3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979.

4. Голев, Н. Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Ч. 4. Функциональный аспект / Н. Д. Голев // Известия Алтайского госуниверситета. Серия «История. Филология. Философия и педагогика». – Барнаул, 2002. – № 4. – С.39 – 46.

5. Голев, Н. Д. Множественность интерпретации речевых произведений как фактор коммуникативного конфликта между их автором и адресатом / Н. Д. Голев // Житниковские чтения УП. Диалог языков и культур в гуманитарной парадигме: материалы Международной научной конференции 5-6 октября 2004 г. – Челябинск, 2004. – С. 114 – 116.

6. Голев, Н. Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2008. – № 1. – С. 144 – 153.

7. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М., 2006.

8. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М, 1993.

9. Зализняк, А. А. Феномен многозначности и способы его описания / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20 – 44.

10. Имплицитность в языке и речи. – М., 1999.

11. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – С. 85 – 90.

12. Колесников, Н. П. Синтаксическая омонимия в простом предложении / Н. П. Колесников. – Ростов-на-Дону, 1981.

13. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003.

14. Лосев, А. Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака / А. Ф. Лосев // Знак. Символ. Миф. – М., 1982.

15. Падучева, Е. В. Высказывание и его несенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М., 2004.